

Владимир Николаевич Топоров (5 июля 1928 — 5 декабря 2005)

Среди всех чудовищных потерь, которые понесла наука и культура России в конце 2005 и начале 2006 г., Владимир Николаевич Топоров остается самой тяжелой и значительной. Я не могу не быть субъективен в этой оценке, когда говорю о своем учителе, оказавшем самое большое и самое продолжительное влияние на мой образ мыслей, но думаю, что я не ошибаюсь и в абсолютной оценке, с какими бы грандиозными именами ни приходилось его сравнивать. В каком-то смысле оценивать место В.Н. вообще невозможно, или, во всяком случае, эта оценка является научной (историко-научной), а не «количественной» проблемой: речь может идти только о характере и специфике его вклада в устройство современного научного и культурного ландшафта, а не о том, кто «главнее». В.Н. принадлежит к тому первому ряду ученых, где места уже не распределяют (как не обсуждают, кто лучше: Гете или Пушкин), к тому, в котором стоят имена Соссюра, Бодуэна, Трубецкого, Якобсона, Бенвениста, Дюмезиля.

Говоря о культурном ландшафте, я имею в виду не только то, что наука составляет часть культуры. Вклад В.Н. в широкую, «эзотерическую» культуру тоже огромен. В свое время я имел честь передать В.Н. предложение В.М. Борисова написать предисловие к готовившемуся подпольно сборнику А.А. Мейера. Я хорошо помню, как

В.Н. немедленно согласился и решительно отказался от псевдонима. Это, несомненно, соответствовало его тогдашним интересам (именно в это время в его работах начинают появляться темы философии XX в.), но — столь же несомненно — было обусловлено не только этим. В.Н. всегда избегал современной тематики¹, но его (как Ю.М. Лотмана и М.Л. Гаспарова) всегда читали не только в пределах профессионального круга². Об этом свидетельствуют и сравнительно недавние премии — А.И. Солженицына и Андрея Белого. Тут, конечно, есть некоторый комизм: В.Н. получил последнюю премию как литературовед, хотя Андрей Белый, будучи отцом современного стиховедения, как литературовед все-таки уступает В.Н.

Задолго до присуждения премий я с интересом узнал, что Анри Волохонский написал стихи с посвящением В.Н.: «В.Н. Топорову, автору поэмы „Поэт“» (имелись в виду статья В.Н. в «Мифах народов мира» ну и, вероятно, одноименная поэма Хлебникова). И это, пожалуй, не менее наглядное свидетельство.

Писать о своем учителе, о его смерти очень трудно³, тем более что невозможно соперничать с самим В.Н., который удивительно умел сочетать в этом жанре содержательную полноту и точность с эмоциональной насыщенностью, сдержанной, но осязаемой. Если иные его предисловия и отзывы объяснялись в значительной мере его безграничной благожелательностью⁴ и иногда преувеличивали достоинства обсуждаемого труда⁵, то некрологи он писал, кажется, только о тех

¹ А также «критики». Вспоминаю разговор во второй половине 1970-х гг., когда В.Н. писал о Жуковском: он сказал, что хотел бы написать о Дельвиге, причем общую работу, может быть, даже эссеистическую по характеру, «хотя я вообще не люблю этот стиль». Может быть, поэтому работа, насколько я знаю, так и не была написана. Оговорю сразу, что я не льщу себя надеждой, будто знаю все работы В.Н. Нынешний прискорбный жанр, кажется, не предполагает библиографии и ссылок, но кое-где они показались мне все-таки необходимыми.

² Сошлюсь еще на его перевод «Дхаммапады» (1960).

³ И кажется тем труднее, чем больше ты связан с ним. Например, о В.Я. Проппе, который никогда меня своим учеником не считал (хотя его работы повлияли на меня очень сильно), я легко написал энциклопедическую статью, а о К.Ф. Тарановском, который называл меня своим незаконным учеником (наше общение, в основном эпистолярное, длилось с 1973 г. до его смерти в 1993 г.), я вообще не сумел написать, хотя в течение нескольких лет пытался писать предисловие к сборнику его работ. Его семья и многие общие друзья до сих пор не могут мне этого простить, и они, конечно, правы, но и я не от легкомыслия или недостатка времени не мог написать о нем (уже напечатав обстоятельную рецензию на его последнюю книгу и сделав доклад о школе Тарановского на конференции по истории структурализма).

⁴ Однажды, когда я был еще в аспирантуре, я задал какой-то элементарный вопрос из области этимологии Вячеславу Всеволодовичу Иванову, он ответил, но, как мне показалось, был удивлен, что я спрашиваю об этом его, а не В.Н. Я объяснил: «Мне кажется, что если я расскажу В.Н. даже полную ахинею, он мне никогда этого не скажет». Вячеслав Всеволодович ответил: «Может быть, вы правы».

⁵ Хотя надо отметить многие его печатные рецензии, особенно в тот период, который сам В.Н. любил называть *Sturm und Drang*, в которых, как однажды сказал В.Н. (позволю себе эту нескромность) о моей рецензии на одну его работу, «удается высказать некоторые важные вещи» — в частности рецензии, печатавшиеся в сборниках Сектора структурной типологии в 1960-х гг. Среди них нужно особо выделить две программных рецензии: на «Linguistics and Poetics» Якобсона и на первый сборник «Anthropologie structurale» Леви-Стросса (Структурно-типологические исследования. М., 1962. С. 261–267).

людях, которые в снисходительности и преувеличениях не нуждались; напомним хотя бы некрологи В.М. Иллич-Свитычу, О.Н. Трубачеву (при всей сложности их отношений в поздний период), статью о З.Г. Минц, открывающую сборник к ее 70-летию.

Вообще говоря, смерть была для В.Н. такой же полноправной темой, как другие факты человеческой жизни и культуры. Особенно показательной кажется в этом смысле статья о погребальной обрядности (одна из многих, посвященных этой теме)¹, состоящая из нескольких частей, которую В.Н. заканчивает разбором «Плача по отце» Хорхе Манрике², а в собственно мифологической части говорит об амбивалентности смерти. Вступительная часть этой статьи, непосредственно посвященная А.Н. Веселовскому, демонстрирует то живое ощущение преемственности и традиции, которое можно увидеть и в названных некрологах. Характерно, что даже в полемике, которая, как правило, была ему чужда, В.Н. всегда ощущал и подчеркивал ценность и значение оппонента — тем более предшественника (но и современника) и даже, если возможно, позиции оппонента; примеры легко найти в его полемике с Проппом³ или в упомянутом некрологе О.Н. Трубачеву.

В.Н. родился в Москве 5 июля 1928 г., поступил в Московский университет в 1946 г. Я помню, как он говорил, сравнивая сталинское и брежневское время: «Мы поступили в университет сразу после речи Жданова (или, может быть, он сказал „постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»“), потом была дискуссия о Веселовском» — вывод был: бывали хуже времена, но не было подлей (про 1970-е г., разумеется). По рассказам (не самого В.Н.), их поколение занималось индоевропеистикой почти подпольно (в семинаре М.Н. Петерсона), и только неожиданная опала нового учения о языке позволила им поступить в аспирантуру. В 1955 г. В.Н. защитил кандидатскую диссертацию («Локатив в славянских языках»)⁴, однако докторскую защищать отказывался, считая это проявлением конформизма и сервильности.

В конце концов, когда в годы Перестройки стал меняться состав Академии наук, к 1989 г. он достиг того уровня, когда мог присудить В.Н. степень доктора без защиты (оказалось, что такая форма существовала). Годом позже он сам был избран в ту же Академию, еще называвшуюся (последний год) АН СССР. За этим последовало избрание в другие академии, степень почетного доктора в ряде университетов, литовский и латышский ордена. Две премии, на-

¹ См., например, его статью в сб.: Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990 и др.

² Заметки по похоронной обрядности (К 150-летию со дня рождения А.Н. Веселовского) // Балто-Славянские исследования. М., 1987. С. 10–52; о «Строфах на смерть отца» В.Н. писал ранее (Западноевропейская средневековая словесность. М., 1985. С. 100–105).

³ К реконструкции мифа о мировом яйце // Труды по знаковым системам. III. Тарту, 1967. С. 81–100; Заметки по похоронной обрядности...; Функция, мотив, реконструкция (несколько замечаний к «Морфологии сказки» В.Я. Проппа) // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре / Под ред. А. Архипова и М. Полинской. Вып. 2. Berkeley, 1997. С. 120–141.

⁴ Книга под тем же названием. М., 1961.

званные выше, В.Н. принял, а от Государственной премии СССР за участие в энциклопедии «Мифы народов мира» (1991) отказался в знак протеста против акций властей в Вильнюсе 13 января 1991 г.

Очень интересно было в эти годы говорить с В.Н. о политике и слышать непривычные в его речи новые формулы. В его позиции тогда осторожный оптимизм сочетался с трезвой готовностью если не к худшему исходу, то к самым серьезным осложнениям (по его формулировке: «поделом вору и мука»).

В.Н. всю жизнь проработал в Институте славяноведения (потом славяноведения и балканистики)¹ в секторе структурной типологии славянских и балканских языков, короткое время даже заведовал этим сектором, но при первой возможности передал этот пост Вяч. Вс. Иванову. С 1992 г. работал также в Институте высших гуманитарных исследований при РГГУ. Насколько я знаю, В.Н. никогда не преподавал² и в те годы, что я его знал, избегал читать доклады и вообще выступать публично³. Я только один раз слышал его доклад, прочитанный в силу какой-то стратегической необходимости и против воли.

Перечислять монографии (ок. 30), основные работы⁴ и основные идеи В.Н., мне кажется, избыточно. Я в свое время довольно подробно написал о его работах и методах⁵ и здесь повторю только несколько главных мыслей.

¹ Там мы и познакомились в 1971 г. В начале сентября 1971 г., только что окончив университет, я получил открытку от Ю.М. Лотмана, который писал, что говорил о моем положении с Вяч. Вс. Ивановым и тот разрешил мне прислать ему мои работы с тем, чтобы попробовать поступить в аспирантуру Института славяноведения. По тем временам аспирантура казалась вещь абсолютно фантастической. Я приехал в Москву (впервые после детства, т.к. в студенческие годы все валентности путешествий были заняты Тарту), договорился о встрече и в домике на Трубниковском встретился с Вячеславом Всеволодовичем (я приехал рано и ждал его некоторое время, как потом — в 1994 г. — выяснилось, я успел за это время познакомиться с Дином Уортом). Он сразу же повел меня из сектора в небольшой холл, и навстречу из какого-то кабинета вышел коренастый человек с бородой, к которому В.В. обратился: «Вова». Мы сели на канцелярский кожаный диван, стоявший в этом холле, и сознание, что я сижу между Ивановым и Топоровым — фигурами почти мифологическими — трудно описать. Мы договорились о моем докладе в секторе и об аспирантуре, и вскоре я вынужден был уехать домой: умер мой отец. Я написал Вячеславу Всеволодовичу и спросил, кто будет моим руководителем; он ответил, что по его предложению руководить мною будет В.Н.

² По слухам, он много лет не был в Московском университете после того, как оттуда уволили Вяч. Вс. Иванова за неблагонадежность. Кажется, первый раз он нарушил этот запрет, когда в 1978 г. в МГУ читал лекцию Якобсон.

³ Бытовал mot, что Иванов ходит только на свои доклады, а Топоров — только на чужие.

⁴ До 1987 г. см.: Бушуй А.М., Судник Т.М., Толстая С.М. Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию. Владимир Николаевич Топоров. Самарканд, 1989. Частично последующие работы, во всяком случае книги, названы в: Николаева Т.М. Академик Владимир Николаевич Топоров (к 70-летию со дня рождения) // Известия РАН. Серия лит. и яз. 1998. Т. 57. № 4. С. 78–80. Когда я сдал экзамены в аспирантуру, ответ о моем зачислении долго не приходил. Потом В.Н. объяснил мне, что его как руководителя должен был утвердить ВАК (т.к. он был кандидатом, а не доктором наук). Для этого нужно было составить список работ, «а их много» — с некоторой застенчивостью сказал он. Потом ему показали список работ другого сотрудника института, немедленно получившего утверждение ВАКа: он состоял из четырех статей в белградской газете «Борба». Что касается итогового количества работ, то, по оценке самого В.Н., их больше 1700.

⁵ Статья была написана к его 50-летию, не была напечатана, и опубликована несколько лет назад: Левинтон Г.А. Запоздалые поздравления. 1. Текст и словарь (филоло-

Я называл среди основных методологических особенностей работ В.Н. то, что в них в качестве основной единицы выбирается *слово* (в соответствии с прямым смыслом слова *филология*). При всей важности понятий *знак* и *текст*, они не главные (и не филологические, вернее — не только филологические). Именно в понятии *слова* смыкаются лингвистические и поэтические исследования В.Н., причем из лингвистических речь идет прежде всего о его работах по этимологии. Так же, как текст, более последовательно, чем в других методах, понимается им как сочетание слов, так и слово в этимологическом исследовании осмысливается как часть текста. Предметом реконструкции оказывается целый фрагмент культуры, центром которого является воплощающее его слово.

Еще яснее эта нерасчленимость лингвистики и поэтики в работах по реконструкции текста. В сущности, все, что реконструируется на уровне надсловесном: миф, ритуал, мифологема, «философема», представление — в рамках всей системы предстает как план содержания реконструируемого языка (праславянского или индоевропейского, в зависимости от выбранного «горизонта»). В частных случаях миф может и семантически сворачиваться в отдельное слово (прежде всего, собственное имя), но в любом случае он выражен словами, и эти слова подлежат реконструкции.

Этимология слова требует обращения к его контекстам, но так же точно и анализ текста требует этимологизирования его элементов (прежде всего лексических), поэтому всякое исследование слова в контексте имеет двустороннюю объяснительную силу. Причем если этимологический комментарий к слову традиционен для древних филологий, то для новой литературы это подход, предполагающий совершенно особое понимание соотношения языка и поэзии. Дело в том, что если слово становится основным элементом анализа, то меняются и возможности понимания текста. Если слово само по себе является (минимальным) текстом, то текст не только оказывается неисчерпаемым «вглубь» (состоящим из бесконечного множества различающихся по смыслу текстов), но получает возможность распространиться и «вширь», т.е. статус текста могут получать весьма обширные образования (в том числе и экстралингвистические), такие, например, как «текст русской литературы» и т.п. вплоть до текста индоевропейской культурной традиции — главного или наиболее общего предмета занятий В.Н.

Поэтому двусторонне верно утверждение о сохранении архаичных смыслов слова в поэтическом тексте: и для этимологии (контекст как аргумент), и для поэтики (этимологический смысл слова как компонент смысла текста). Последнее подразумевает память слова и о ближайшей своей истории (ср. понятие подтекста), и о самой давней. Память языка может быть основным фактором, определяющим смысл текста, она, несомненно, сильнее (и достовернее) так называемой памяти жанра или «коллективного бессознательного». Наоборот,

понятие архетипа наиболее интересно было бы толковать именно как память слова.

Очень важный аспект этого подхода — это исследование текстов через их лексику: таковы прежде всего статьи о литовской балладе¹ и о «Преступлении и наказании». В первой сделана попытка перейти от словаря баллад к уровню «элементарных образов», понимаемых как двусловные сочетания (существительное + прилагательное), описывающие весь предметный и персонажный мир жанра баллады. Во второй сам метод анализа, ориентированный на описание отдельных лексических единиц и их контекстов, заставляющий вспомнить о понятии «дешифровка», обуславливает совершенно новую степень корректности анализа и реконструкции плана содержания (модели мира) описываемого текста. Статья строится как анализ поведения отдельных основных лексем, из соотношения которых вырисовываются основные характеристики мира «Преступления и наказания», в значительной мере совпадающие с гораздо более архаичными моделями. При этом в статье и в специальных приложениях, посвященных отдельным мотивам и словам, подробно прослеживается употребление этих слов в других произведениях, входящих в «Петербургский текст» (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Андрей Белый). Это представляет собой существенную инновацию и для поэтики, и для лингвистики: традиционная «история слова» приобретает новое измерение, и поскольку лингвистика практически описывает именно язык литературных текстов, превращение слова в мотив может рассматриваться и как лексикологическая проблема².

Все множество работ В.Н. выглядит как кусочки еще недостроенной мозаики. Отсюда постоянное удивление читателей разнообразию их тематики. Между тем при внимательном чтении становится понятно, что это фрагменты единого описания чего-то, что назвать довольно трудно, в пределе мира, понимаемого как семиотическое целое (о различии семиотизированного и десемиотизированного, атеистического восприятия мира было написано в предисловии к книге «Славянские языковые моделирующие семиотические системы»³). Мозаика предполагает замысел, рисунок, контуры которого известны или хотя бы угадываются (подобно тому, как поэт пишет то, что уже существует, и его задача не «сочинить», а угадать или «расслышать»)⁴. В.Н. как-то сказал в разговоре, что знание (полнота знания),

¹ К анализу нескольких поэтических текстов (преимущественно на низших уровнях) // Poetics. Poetyka. Поэтика. Warszawa, 1966. С. 61–120 (балладе посвящена последняя, четвертая часть этой статьи).

² Здесь, конечно, нет возможности подробно рассматривать особенности метода, тем более в его литературоведческих (поэтических) аспектах. Могу только упомянуть, что в этой статье я пытался (в методологическом контексте) сопоставить понятия «блоковского слоя [подтекстов, реминисценций] у ранней Ахматовой» и «балтийского слоя в славянской гидронимике» (это сопоставление первоначально было сделано в той самой рецензии, о которой, как упоминалось, сочувственно отзывался сам В.Н.).

³ О религиозном аспекте мышления и работы В.Н. свидетельствуют не только такие работы, как «Святые и святость». Свои разговоры с «лингвистом Т.» в свое время цитировал А.М. Пятигорский в статье «О метафизической ситуации».

⁴ В.Н. часто упрекали в том, что он не различает «научную» и «поэтическую» этимологию. Мы много говорили об этом еще в начале 1970-х гг., и, вспоминая эти разговоры, я думаю,

собственно, исключает (делает избыточными), с одной стороны, познание как процесс обретения знания, с другой — веру (которая компенсирует незнание).

Мир понимается как текст и в своем пространственном аспекте, где эмпирическая аморфность карты упорядочена и иерархизирована топонимией (понятие *топонимического текста*), и в том, что он осмыслен в языке, ставящем в соответствие элементы многих подсистем: одни и те же слова называют части тела, части ландшафта, дома, одежды, посуды и т.д.¹, тем самым вскрывая их структурное единство. То же более последовательно происходит в мифологической организации пространства, где единицы большего порядка «снимаются» меньшими, вписанными в них и более ценными, образуя концентрическую систему, стремящуюся к центру мира, *axis mundi*.

Для читателей «Антропологического форума», естественно, наиболее важны работы В.Н. по мифологии (включая длинный список статей в «Мифах народов мира»), ритуалу, фольклору, реконструкции мифов, текстов², мифологических имен и ритуальных терминов, сакральной топонимике (и вообще структуре пространства)³. Может быть, менее известны работы, начатые маленькой заметкой в тезисах симпозиума 1974 г. (он проводился как продолжение Тартуских летних школ, прекратившихся в 1970 г., потом еще одна школа в

что педанты просто не умеют читать его работы. Речь идет вовсе не о двух разновидностях, а о множестве таковых. То, что для одного среза является «научной» этимологией, для другого окажется «народной». «Почему, — спрашивал В.Н., — нужно непременно настаивать на первичной, „последней“ этимологии, когда она все равно тоже не последняя». Для контекста (и контекста исследуемых слов, и контекста работы, которая их исследует) вторичные ассоциации, паронимия могут оказаться важнее, чем реальная этимология, и то, что было паронимией, может стать этимологией на следующем этапе (напомню, что даже О.Н. Трубачев, представлявший себе эволюцию слов гораздо проще, чем В.Н., говорил о «нейтрализации лексического противопоставления», то есть о такой ситуации, когда слово является *одновременно* продолжением двух разных этимонов и различить их — в этом слове — невозможно). Или, иначе говоря, каждый хронологический срез обладает своей степенью реальности, и реальность случайной паронимии одного слоя может быть большей, чем реальность строгой этимологии в более раннем слое. Я думаю, что многие мысли В.Н. останутся непонятыми, если не будет учтена роль, которую он придавал контексту. Я как-то спросил его, правдоподобна ли такая-то этимология; он ответил: «Это то же самое, что спрашивать, хороша ли такая-то рифма — вообще, вне данного контекста! Все дело в контексте».

- ¹ Я помню, как В.Н. объяснял мне эту систему соответствий между разными лексическими структурами. «Получается, — заключил он, — что вначале **было дано** совсем немного слов, а потом они переносились из одной системы в другую». В те годы этот последовательный «изоморфизм» (как сказали бы тогда), о котором я впервые услышал от В.Н., был совсем внове и произвел на меня и моих сверстников необыкновенно сильное впечатление (ср., например, работы А.К. Байбурина).
- ² Прежде всего, Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. 1) К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 88–158; 2) Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; 3) Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- ³ Топоров В.Н. 1) О мифопоэтическом пространстве (*Lo spazio mitopoetico*). Pisa, 1994; 2) Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995; 3) Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998; 4) Неомифологизм в русской литературе начала XX в. Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento, 1990; 5) Святые и святость в русской духовной культуре. М., 1995, 1998. Т. 1–2.

Кяэрику прошла в 1986 г.)¹: в ней литовская деревня рассматривалась как цельный текст, представляющий собой вариант и воплощение основного мифа². Именно этот пространственный подход, который проявляется в большом цикле работ В.Н., посвященных разным городами и урочищам³, а также разным аспектам пространства⁴, семиотического и географического⁵ (например, распределению различных лингвистических дифференциальных признаков в географическом пространстве⁶ или славянской и балтийской гидронимии), привел, среди прочего, к концепции Петербургского текста⁷ — одному из наиболее известных открытий В.Н. Надо заметить, что любовь В.Н. к некоторым городам в сочетании с каким-то особым пространственным чутьем имела поразительное следствие. В.Н., несомненно, знал Петербург намного лучше петербуржцев, но и Рим, где он побывал только в 1990-е гг., он тоже знал «наизусть». Думаю, что этот запас не сводился к двум городам, просто о них мы говорили. Не могу не вспомнить эпизод, тогда поразивший меня: мы говорили об

¹ Об одном локальном варианте основного мифа (DIEVENIŠKĖS) // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974. С. 33–37.

² Упомяну здесь другой частый упрек: молодые коллеги нередко утверждают, что следы основного мифа В.Н. находил «где угодно». Это, разумеется, иллюзия. Установив (вместе с Вяч. Вс. Ивановым) ядро основного мифа, В.Н. продолжал поиски его вариантов, следов, филиаций — и по логике его работы (той самой «мозаики»), естественно, искал их в наиболее «труднодоступных» местах, полагая, что заполнение более очевидных лахун можно оставить другим. Отсюда и фрагментарность и неожиданность его находок.

³ Еще раз об и.-е. **BUDH-* (:**BHEUDH-*): 1. Фрак. Βυζάντιον в индоевропейской перспективе // Этимология 1976. М., 1978. С. 136–150; *VILNIUS, WILNO, ВИЛЬНА*: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 3–71; О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о Москве // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 223–262 (и др. работы о *Москве*); Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987; «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995; О происхождении Сандуй // Этимология 1985. М., 1988. С. 86–110 и мн. др.

⁴ Пространство и текст // Текст: Семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.

⁵ О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимики // Топонимика Востока. М., 1962. С. 59–66. Из области теоретической топонимики // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 126–131; Некоторые положения теоретической топонимики // Принципы топонимики: Материалы к Советскому Союзу. М., 1962. С. 3–5; О палийской топонимике // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969. С. 31–49; Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источники для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 109–128.

⁶ Индоевропейские языки СССР (Введение) // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 31–43; Балтийские языки (Введение) // Там же. С. 455–465; Несколько замечаний к фонологической характеристике Центрально-Азиатского языкового союза // *Symbolae lingusticae in hon. G. Kuryłowicz. Wrocław et al., 1965. С. 322–330*; Заметки по лингвистической географии Енисея. I // Лингвотипологические исследования. М., 1973. Вып. I. Ч. 1. С. 5–79; Предварительные материалы к описанию фонологических систем консонантизма дардских языков // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966. С. 172–192; About the Phonological Typology of Burushaski // *Studies in General and Oriental Linguistics Presented to Shiro Hattori...* Tokyo, 1970. P. 632–647; Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков (IV Международный съезд славистов). М., 1958; Судник Т.М., Толстая С.М., Топоров В.Н. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза // Советское славяноведение. 1967. № 3. С. 38–45.

⁷ Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003.

Анненском, и я вспомнил монолог Гермеса в «Фамире-кифареде», где он предсказывает, как будет стоять статуей в каком-то северном парке. Я спросил В.Н.: «А что, в Царском Селе есть такая статуя Гермеса?» В.Н. ответил: «В последний раз она упоминается в путеводителе за <такой-то> год...»

Общение с В.Н. напоминало иногда опыт, описанный Набоковым в «Ultima Thule»: собеседник знает ответы на все вопросы (то самое знание, которому нет нужды в познании) — нужно только правильно задать вопрос, и можно получить главные, «последние» ответы. Нужно ли объяснять, что этот вопрос никогда не удавалось задать. «Теперь ты там, где знают всё» — может быть, это и не абсолютно новый опыт для него.

Георгий Левинтон